

Шэнь Цинжань ошеломленно стоял на высокой террасе. Вдалеке мелькнул темный силуэт, легкий, словно летящая ласточка. И только когда человек ухватился за перила и перемахнул через них, он узнал Чан Чань.

— Госпожа, господин сказал, что здесь слишком высоко и ветрено, и велел вам вернуться в дом.

Сюэ Фэйфэн вызвал Чан Чань, чтобы она охраняла Шэнь Цинжаня. Прежде чем прийти к нему, она встретила с Сюэ Фэйфэном.

Глаза Шэнь Цинжаня слегка расширились:

— Он правда видел меня?

Он уже жалел, что не пошел провожать его. Боялся, что Сюэ Фэйфэн решит, будто он всё еще злится, боялся, что Сюэ Фэйфэну было обидно уезжать без прощания.

Чан Чань ответила:

— Генерал понимает ваши чувства. Он сказал, что хоть вы ничего и не произнесли вслух, он знает, о чем вы думаете.

— Вот и славно, — Шэнь Цинжань еще раз взглянул на городскую стену, тонущую в дымке. Он глубоко вздохнул и стал спускаться по ступеням, спрашивая на ходу: — Сюэ Фэйфэн прислал вас следить за мной?

— Никак нет, — твердо ответила Чан Чань.

Сюэ Фэйфэн беспокоился, поэтому прислал еще и Чан Чань. Если бы Шэнь Цинжань не отказался наотрез, он бы оставил для его охраны целый отряд.

— Говорят, «хотя над полководцем и стоит двор, но на войне он может не подчиняться приказам государя». Верно?

— Верно.

Шэнь Цинжань продолжил:

— Сюэ Фэйфэн обещал писать мне каждый день. Но в этих письмах наверняка будут только хорошие новости, а о плохом он умолчит. Так ведь?

Встретив острый взгляд Шэнь Цинжаня, Чан Чань невозмутимо уставилась в небо. Когда генерал получил то ранение, он сначала сообщил только младшим братьям. Сама она была на задании и оставалась в неведении до тех пор, пока рана Сюэ Фэйфэна почти не зажила.

— Молчание — знак согласия, — в голосе Шэнь Цинжаня послышалась едва уловимая дрожь. — Я не могу им управлять, а вы не станете сами рассказывать мне о реальном положении дел на фронте. У меня только одно требование: с сегодняшнего дня вы слушаетесь меня. Что бы я ни делал, вы сообщаете Сюэ Фэйфэну, убавив всё раз в семь-восемь. Если я посажу десять му земли, вы скажете, что один. Понятно?

— Госпожа, я понимаю, что вы не хотите волновать генерала, но...

Если Шэнь Цинжань похудеет хоть на полцзиня, Сюэ Фэйфэн заметит это при первом же

объятии. А если через пару месяцев на его руках и ногах появятся мозоли, разве это не станет неоспоримым доказательством?

— Если Сюэ Фэйфэн может хитрить, то почему мне нельзя? Всю ответственность я беру на себя. Стотысячная армия — это как внезапный прирост населения для Миньчжоу и Цинчжоу. Даже при поддержке мастера Му, даже если вы захватите казенные амбары — надолго ли этого хватит? Ни вы, ни я не вынесем, если генерал будет голодать вместе со своими солдатами. Я прав?

Чан Чань не нашлась, что ответить. Только что она клялась генералу, что не допустит, чтобы госпожа перетруждалась, а теперь Шэнь Цинжань загнал ее в угол железной логикой, и возразить ей было нечего.

Она не знала, как обстоят дела в Цинчжоу, но сама недавно подговорила двух сынков богачей провести ее в зернохранилище Миньчжоу. Запасов там и правда оставалось немного. Война на севере требовала огромных ресурсов, и наследный принц, выкачивая провиант с юга, уже опустошил несколько амбаров.

Она немного поколебалась. На одной чаше весов — тяжелый труд госпожи, на другой — генерал и его стотысячная армия. Выбор был очевиден.

— Я буду слушаться вас.

Шэнь Цинжань удовлетворенно кивнул:

— Тогда ваши братья — на вашей ответственности. Завтра мы отправляемся в хлопковое поместье.

Он выбрал Чан Чань именно потому, что она была более рассудительной. Чан Мин и Чан Суй в некоторых вопросах были упрямы, как ослы, и спорить с ними было бесполезно. А убедив Чан Чань, он мог через нее влиять на ее братьев.

Чан Чань: «...»

А она-то думала, с чего это госпожа сразу взял быка за рога, едва увидев ее.

Генерал только за порог, а госпожа — следом.

Чан Чань подумала, что с госпожой в отсутствие генерала будет не так-то просто сладить. Скорей бы уж генерал одержал победу и забрал его!

Получив приказ приструнить братьев, Чан Чань взялась за дело. Братья, страшась гнева старшей сестры, с обиженным видом согласились.

— Сестра...

Чан Суй сомневался насчет совета, который дал ему Шэнь Цинжань, но раз уж сестра как раз оказалась на вилле...

— В чем дело? — спросила Чан Чань, поигрывая метровой скалкой и бросая на брата взгляд краем глаза.

Чан Суй не решался произнести это вслух, поэтому на помощь пришел Чан Мин, обожающий сплетни. За полдня на вилле он успел подружиться с дворецким за чашкой чая и выведал

почти всё.

— К нашему младшему пристаю! — с праведным гневом заявил Чан Мин. — Мастер Му положил на него глаз! Выкуп еще не заплатил, а уже каждый день норовит за ручку подержать! Я бесполезен, я не могу победить этого большого злого волка!

На самом деле ему просто хотелось посмотреть на представление.

Глаза Чан Чань опасно сузились:

— Назначь ему встречу.

Посмел обидеть ее брата?

Чан Суй помолчал немного и согласился.

...

Глубокой ночью распустился цветок эрифиллума, лунный свет был тусклым.

Мастер Му неспешным шагом направлялся на встречу по приглашению. Он считал, что своим терпением и настойчивостью наконец-то растопил лед в сердце этого юноши с каменным лицом. Раз уж тот согласился надеть женское платье, то и до остального недалеко, верно?

Под ивой стояла женщина в черном, прислонившись к стволу со скрещенными на груди руками. Высокая, стройная, с яркими чертами лица.

Чан Суй обещал показать ему себя в женском платье, и в итоге выбрал... женский костюм для ночных вылазок?

Му Вэнькоу вспомнил характер Чан Суя и решил, что для него и это уже подвиг.

Костюм так костюм, вы только посмотрите на эту тонкую талию!

Му Вэнькоу оттолкнулся от земли и бесшумно, словно тень, пролетел по воздуху. Длинной рукой он оперся о ствол ивы за спиной «Чан Суя», а другой попытался обнять его за талию. Как он и представлял, тот в женском наряде выглядел холодно и обольстительно. Му Вэнькоу уже хотел отпустить какую-нибудь шуточку, как вдруг его лицо исказила гримаса боли, и он согнулся пополам.

В живот прилетел сокрушительный удар, перед глазами, словно призрак, мелькнула рука с растопыренными пальцами, и — вжик! — на лице Му Вэнькоу остались четыре кровоточащие царапины.

— Как смеешь приставать к этой бабушке? — Чан Чань схватила опешившего Му Вэнькоу за грудки. — Осмелел, да?

Му Вэнькоу, которого в жизни никто не царапал, с расцарапанным лицом наконец сообразил, что к чему.

Он ошибся!

Это же старшая сестра Чан Суя!

Если бы дошло до настоящей драки, Му Вэнькоу ни в чем не уступил бы Чан Чань. Они сцепились у воды и в мгновение ока обменялись десятками ударов; цветы и деревья вокруг были поломаны, куры раскудахтались, собаки залаяли — словом, поднялся невообразимый переполох.

Устав драться, Чан Чань резко отступила:

— Предупреждаю: не смей обижать моего брата.

Му Вэнькоу тоже опустил руки. Он дотронулся до лица; на кончиках пальцев остался легкий запах крови.

Тц, этим надо как следует воспользоваться.

Не утруждая себя обработкой ран, он напрямик направился в комнату Чан Суя и, едва увидев его, пожаловался:

— Твоя сестра расцарапала мне лицо.

Чан Суй знал, как трепетно Му Вэнькоу относится к своей внешности. А теперь на ней красовались четыре кровавые полосы, отчего он выглядел жалким и несчастным.

Юноша протянул руку, словно собираясь коснуться раны.

Му Вэнькоу тут же перехватил его запястье:

— Нанеси мне лекарство.

Чан Суй замер. Хоть он и знал, что Чан Чань не проявит пощады, но, увидев Му Вэнькоу в таком виде, почему-то почувствовал укол совести:

— Хорошо.

Му Вэнькоу решил, что остался в выигрыше. Он откинул голову назад, ожидая, пока Чан Суй будет протирать ему лицо.

С такого близкого расстояния тот точно сможет разглядеть его черты. Му Вэнькоу был твердо уверен: Чан Суй никогда не смотрел на него прямо, а потому не мог оценить его красоту — отсюда и вся эта холодность.

— Тсс... поосторожнее, — Му Вэнькоу вовремя пустил в ход жалобный тон. — Суй-эр, твоя старшая сестра такая свирепая.

Чан Суй вспомнил их детство, когда они были маленькими, три прекрасных и нежных маленьких пельменя сидели в ряд, а старшая сестра по очереди трепала их за щеки.

К счастью, Чан Чань быстро теряла интерес к своим увлечениям. Даже такие милые братишки надоедали ей за пару дней.

Сейчас, глядя на лицо Му Вэнькоу, Чан Сую почему-то стало смешно. Его движения невольно стали мягче, и он не стал обращать внимания на вольности в словах собеседника.

Но Му Вэнькоу, как говорится, дай палец — он и руку откусит:

— После этих царапин от твоей сестры я буду шарахаться от женщин. Боюсь, теперь я не смогу ни жениться, ни завести детей. Чан Суй, ты должен взять за это ответственность.

Чан Суй: «...»

Му Вэнькоу вынес окончательный вердикт:

— Ты нарочно заманил меня в ловушку. Вся ответственность на тебе.

...

Власть в Миньчжоу и Цинчжоу была перехвачена без лишнего шума, и на жизнь большинства людей это никак не повлияло. Командиры местных гарнизонов, когда-то служившие под началом Сюэ Фэйфэна на Северо-Западе, оказали лишь символическое сопротивление, после чего сложили оружие.

А что еще им оставалось делать? Императорскому двору было не до них, а ждать подкрепления — всё равно что верить в сказки.

Новость достигла столицы, повергнув всех гражданских и военных чиновников в шок. На севере — Бэйхуэй, поэтому они надеялись найти покой на юге. А теперь две самые богатые южные области захвачены! Сбор налогов и поставки продовольствия оказались под угрозой.

Сюэ Фэйфэн направил императору докладную записку, в которой просил прощения:

«До меня дошли слухи, что в Миньчжоу бесчинствуют речные пираты, неся неисчислимые страдания простому люду. Более того, нашлись изменники, наживающиеся на этом: они переправляли припасы Великой Ци врагам в Бэйхуэй, что косвенно стало причиной поражения при Пуяне. Много ночей я не мог сомкнуть глаз. Извлеки горький урок, я с десятью тысячами выживших воинов налегке совершил марш-бросок, внезапно напал на Миньчжоу и отрубил голову Цао Тунфану. Недавно я уже докладывал об этом двору, прикрываясь именем виллы "Тянься"».

«Из-за моей хромоты я нахожу климат Миньчжоу благотворным для здоровья, поэтому покорнейше прошу двор издать указ, позволяющий мне временно остаться здесь для отдыха».

Сюэ Лифэн, прочитав докладную, чуть не захлебнулся кровью от злости. Десять тысяч выживших?! Да он увел с собой все сто тысяч!

Сюэ Лифэн объявил Сюэ Фэйфэна мятежником и отдал приказ о подавлении бунта. Он совершенно потерял голову: в то время как Бэйхуэй стоял у ворот, жадно глядя на их земли, он думал лишь о том, как снять войска с обороны и бросить их на юг, чтобы убить Сюэ Фэйфэна.

Дело принимало слишком серьезный оборот. Несмотря на то, что Сюэ Лифэн исполнял обязанности регента, еще до того, как приказ был отдан, более благоразумные гражданские и военные чиновники бросились к покоям императора, на коленях умоляя его выйти и взять власть в свои руки.

Они привыкли к спокойной жизни. С тех пор как было предложено перенести столицу, они отступали раз за разом. Когда-то в детстве Сюэ Фэйфэну Государственный наставник предсказал, что он несет в себе звезду бедствий, угрожающую судьбе династии. Они горячо поддержали решение императора отстранить талантливого принца. Позже, когда армия Сюэ Фэйфэна была полностью уничтожена, это сочли подтверждением предсказания десятилетней

давности, и ни один чиновник выше второго ранга не потребовал расследовать причины трагедии.

Последующие поражения Великой Ци тоже списывали на Сюэ Фэйфэна: если бы этот вестник несчастий не погубил стотысячную армию, Бэйхуэй никогда бы не осмелился на такую дерзость.

Всю вину они ввалили на Сюэ Фэйфэна, а сами наслаждались праздной жизнью, лишь поддакивая начальству.

Столпы государства оказались проточены червями, превратившись в пустую оболочку, и огромное здание империи уже кренилось.

Но теперь эти люди вновь осознали свою выгоду. Оказавшись между молотом и наковальней, они поняли, что Сюэ Фэйфэн, как-никак, свой человек. Император должен даровать ему титул Великого князя, чтобы успокоить его, и тогда они смогут объединить усилия против общего врага.

Сюэ Лифэн, скрипя зубами и едва сдерживая кровавую пену на губах, был вынужден помочь императору составить указ.

«В награду за заслуги Сюэ Фэйфэну жалуются титул Великого князя с полномочиями управления делами двух областей».

В ответ Сюэ Фэйфэн направил прошение о выделении жалования и провианта для армии.

Это был первый раз, когда он просил снабжения.

Раньше, на Северо-Западе, всё тыловое обеспечение зависело от Сюэ Лифэна. Были припасы — хорошо, а если Сюэ Лифэн заявлял, что урожай плохой и дать нечего, Сюэ Фэйфэн не сомневался в его словах — у него была своя тактика ведения войны без средств.

Но на этот раз он опустошил государственную казну до самого дна, не оставив ни единого медяка.

...

Хлопковое поместье.

Шэнь Цинжань с легким недоумением смотрел на Чан Мина и Чан Суя, которые несли простую конструкцию, напоминающую паланкин.

Сразу видно — подчиненные Сюэ Фэйфэна.

— Госпожа, прошу, садитесь, — Чан Мин, словно преданный лакей, уже собирался опуститься на четвереньки, чтобы послужить ступенькой для Шэнь Цинжаня, но тот схватил его за шиворот и вздернул на ноги.

— Повторяю еще раз: не смейте называть меня госпожой. — Шэнь Цинжань терпеть не мог паланкины. Братья Чан выглядели его ровесниками, как они могли вынести такую тяжесть на своих плечах?

Паланкин был сделан из бамбука. В отличие от обычных, которые несут спереди и сзади, Чан Мин, чтобы приспособить его для посевных работ, переделал крепления по бокам. Когда

человек сидел внутри, под его ногами как раз оказывалась вырытая борозда. Положив руки на подлокотники, в каждой ладони оказывалась бамбуковая трубка размером с кулак. Трубка изгибалась под сиденьем: семена засыпались в верхнее отверстие, катились по трубке и, пройдя изгиб, падали точно в борозду.

Там был даже навес от солнца.

— Это всего лишь полые бамбуковые стебли, они совсем легкие, — Чан Мин одной рукой приподнял паланкин.

Шэнь Цинжань содрогнулся, вынужденный признать, что на их фоне он просто слабак.

Чан Чань добавила:

— Если госпожа упорствует и не хочет садиться, нам придется доложить всё генералу без прикрас.

Братья тут же согласно закивали.

Покрывать госпожу оказалось таким захватывающим делом!

— Сегодня госпожа на вилле засеял два му черными бобами.

— Сегодня госпожа отдыхает.

— Сегодня госпожа посадил один му арахиса у подножия горы, в полной безопасности.

— Сегодня госпожа спит допоздна.

Каждый раз, когда братья писали генералу письма, они шли против совести. Видит небо, они уже давно покинули виллу и находились в этой глуши, сажая хлопок!

Шэнь Цинжань сдался:

— Ну, тогда придется вам потрудиться.

Одному ему было бы слишком медленно, а сидя в паланкине, скорость работы взлетела до небес: в день удавалось засеивать по десять му.

Но и этого было недостаточно.

Попросив братьев отдохнуть, Шэнь Цинжань медленно разбрасывал семена, одновременно вызывая Систему.

— Покажи мне современную сеялку.

Система:

— У вас недостаточно баллов для обмена на сеялку.

Глаза Шэнь Цинжана загорелись:

— Что?! Ее можно получить за баллы?!

Система:

— В принципе да, но...

Но у Шэнь Цинжаня не то что не хватало баллов — у него не было даже уровня доступа, чтобы просто просмотреть каталог с сеялками.

— Да я просто одним глазком взгляну!

Система замялась.

Шэнь Цинжань настаивал:

— Ты же сама поощряешь меня заниматься сельским хозяйством! Как я могу стремиться к большему, если ты даже не хочешь показать, к чему нужно стремиться?

— Ладно.

Шэнь Цинжань, будучи отпрыском богатой семьи, в глаза не видел сеялок. Увидев ее в интерфейсе, он, вдохновленный недавним опытом с паланкином, от волнения так ущипнул себя за бедро, что аж подпрыгнул.

Да, это именно то, что ему нужно!

Паланкин позволял сеять максимум в два ряда одновременно.

Шэнь Цинжань же хотел модифицированную версию, чтобы засеивать сразу шесть борозд. В его голове уже созрел черновик, и он быстро набросал чертеж на листе бумаги.

Конструкция представляла собой две бамбуковые жерди, расположенные под углом. На расстоянии ширины одной борозды в них проделывались отверстия, к которым крепились трубки. Всего шесть трубок для шести борозд. Затем шла крепежная часть: он стоял в центре, на самой высокой точке, и рассыпал семена, а по бокам крепились два колеса, чтобы конструкцию можно было толкать вперед.

Самой большой проблемой было сделать так, чтобы семена равномерно попадали в каждую трубку.

Шэнь Цинжань всю ночь напролет обсуждал это с лучшими местными мастерами, и через два дня готовое устройство было у него в руках.

Скорость работы возросла в четыре раза!

Шэнь Цинжань наотрез отказался от навеса от солнца — толку от него никакого, только лишний вес.

Чан Мин предупредил:

— Молодой господин Шэнь, если вы загорите, генерал с нас головы снимет.

Шэнь Цинжань решил обойтись соломенной шляпой.

Он считал, что несколько не загорел — природа наградила его кожей, к которой загар просто не прилипал.

Братья Чан готовы были разрыдаться: хоть госпожа и не потемнел, но зато заметно похудел, а

на пальцах появились мозоли.

Каждый день он работал в поле от зари до зари, да еще и по такой жаре. Даже им, не говоря уже о генерале, было больно на это смотреть.

Полмесяца спустя Шэнь Цинжань успешно засеял хлопком все пятьсот му земли.

И похудел на пять цзиней.

Из-за того, что кожа постоянно прела от пота, у него на шее появилось красное раздражение, от которого не помогали никакие мази.

Этот тайный земледельческий проект наконец-то завершился. Даже Чан Чань вздохнула с облегчением.

— Молодой господин Шэнь, мы возвращаемся завтра?

— Угу. — Узнав, что Сюэ Фэйфэн захватил Цинчжоу и Миньчжоу, Шэнь Цинжань почувствовал непреодолимое желание увидеться с ним.

Он так давно его не видел.

Каждый вечер перед сном он проверял: проросли ли еще три маковых зернышка? И только убедившись в этом, мог спокойно уснуть.

Система отслеживала местоположение бобов, и оказалось, что в последнее время Сюэ Фэйфэн находился на границе Цинчжоу.

Шэнь Цинжань тоже был в Цинчжоу, хотя генерал об этом и не подозревал.

Может, устроить тайную встречу?

Шэнь Цинжань посмотрел на свои ладони... Пожалуй, лучше дать мозолям сойти, а то Сюэ Фэйфэн точно задаст ему трепку.

Но ему так хотелось его увидеть!

Шел пятый месяц лунного календаря. Свободной земли не осталось. В эти несколько месяцев ожидания, пока созреет рис, картофель и хлопок, Шэнь Цинжань хотел заняться разведением лошадей для Сюэ Фэйфэна.

Монгольские лошади: сильные ноги, развитая мускулатура, выносливость, способность сражаться в суровых условиях, не боясь ни ветра, ни снега, преодолевая до ста тридцати ли в день — идеальные боевые кони.

Шэнь Цинжань долго торговался с Системой. Он хотел, чтобы лошади появлялись на свет почти взрослыми, чтобы уже через месяц тренировок их можно было отправлять на поле боя.

Система заявила, что это нарушение правил: животные должны быть как минимум за три месяца до взросления, и Шэнь Цинжань должен заплатить за это пятьдесят тысяч баллов.

Все баллы, заработанные на хлопке, исчезнут в одночасье.

Если он начнет разводить лошадей, ему придется надолго привязаться к одному месту.

Это был его единственный шанс увидеться с Сюэ Фэйфэном.

Шэнь Цинжань разрывался от сомнений, как вдруг Система выдала уведомление:
«Суперпредложение: Томаты. Иностранная культура, ограниченная серия. Длительный период сбора урожая, максимальная урожайность — 10 000 цзиней, цель селекции — 11 000 цзиней. Награда: 20 000 баллов».

Шэнь Цинжань, только-только разобравшийся с хлопком, чуть не задохнулся от возмущения.

Отлично, до ближайшего свободного клочка земли полдня пути, значит, времени у него совсем не останется.

Он снова попросил Систему показать местоположение Сюэ Фэйфэна и убедился, что тот действительно находится совсем близко.

— Я... — Шэнь Цинжань колебался. А может, ну их, эти помидоры?!

Всё равно это не основная еда.

Механический голос Системы бесстрастно произнес:

— Генетически модифицированные томаты. Не способны самостоятельно вырабатывать этилен для созревания. При правильном хранении не портятся до восьмидесяти дней.

Шэнь Цинжань простонал:

— Жестоко...

Ну кто откажется побаловать армию Сюэ Фэйфэна свежими овощами?

Томаты богаты питательными веществами, долго хранятся — просто идеальный вариант.

Но только Шэнь Цинжань твердо решил выбросить мысли о встрече с Сюэ Фэйфэном из головы, как к нему в панике прибежал Чан Мин:

— Госпожа, прячьтесь скорее! Генерал едет!

Лицо у него было такое, словно в деревню нагрянули бандиты.

Сюэ Фэйфэн, проходя со своей армией мимо хлопкового поместья, решил остановиться здесь и разбить лагерь неподалеку.

Шэнь Цинжань сначала обрадовался, а потом испугался.

Если бы он сам пошел на встречу, это можно было бы выдать за трогательное воссоединение после долгой разлуки. А если его застукают здесь — это чистой воды обман и неповиновение. В письмах писал, что наслаждается жизнью на вилле «Тянься», а сам сбежал в Цинчжоу заниматься земледелием!

— Быстрее, быстрее, дайте мою соломенную шляпу!

Сюэ Фэйфэн ни в коем случае не должен увидеть его в таком виде.

Как бы мне мгновенно потолстеть на десять цзиней?!

Убегая, Шэнь Цинжань лихорадочно перебирал в голове дурацкие идеи.

...

В это же время Сюэ Фэйфэн инспектировал свой военный лагерь.

Один из солдат доложил, что в хлопковом поместье была замечена подозрительная группа людей. Они утверждали, что остановились здесь проездом и, испугавшись прибытия армии, пытались спешно покинуть территорию через задние ворота. Выглядели они далеко не как простые крестьяне.

Времена были беспокойные, и нельзя было упускать из виду ни малейшей подозрительной детали.

Обычно такие мелкие вопросы решал Чан Бай, и лишь если он не справлялся, докладывал генералу.

Решение Чан Бая было кратким и четким:

— Схватить и допросить.

<http://bllate.org/book/17933/2082263>